

УДК 94(517.3)+294.3

Н.В. Дьяченко

БУДДИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ В МОНГОЛИИ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 1920–1930-х гг.: СОВЕТСКИЙ ФАКТОР

Статья посвящена анализу эволюции роли буддизма и его институтов в Монголии в первой трети XX в. Традиционно буддийская церковь в Монголии являлась не только духовным, но и экономическим, политическим лидером. После революции 1911 г. в Китае Монголия провозгласила создание независимого государства в форме теократической монархии. В борьбе за признание независимости она нашла опору в Советской России, с начала 1920-х гг. начинается конкуренция церкви и государства, перешедшая в уничтожение буддизма в МНР. Основными методами подрыва влияния религии со стороны правительства были разорительное налогообложение, насильственный перевод лам в светское состояние, закрытие храмов, политические репрессии и подавление религиозных восстаний.

Ключевые слова: буддийская церковь, Монголия, Коминтерн, МНРП, МНР.

N.V. Dyachenko

BUDDHIST CHURCH IN MONGOLIA DURING THE POLITICAL TRANSFORMATION OF THE 1920S AND 1930S.: SOVIET FACTOR

The article considers the evolution of the role of Buddhism and its institutions in Mongolia in the first third of the XX century. Traditionally Buddhist church in Mongolia was not only the spiritual but also political and economic leader. After the revolution of 1911 in China Mongolia declared the establishment of an independent state in the form of theocratic monarchy. During the period of its struggle for independence Mongolia found the support in Soviet Russia and from the beginning of the 1920-ths the competition between state and church started that led to the elimination of Buddhism in Mongolian People's Republic. The main methods of undermining the influence of church used by the state were: devastative taxation, compulsive transference of lamas into secular status, closing of temples, political repressions and suppression of religious rebellions.

Key words: Buddhist Church, Mongolia, Comintern, MNRP, MNR.

Проблема истории отношений религии и государства в Монголии остается актуальной в науке с 1990-х годов. За истекший период российскими и монгольскими авторами опубликовано несколько научных и публицистических работ, каждая из которых рассматривает период политических трансформаций 1920–1930-х гг. как наиболее радикальный, в конечном итоге приведший к ликвидации государством буддийской церкви на долгий период. К числу таких исследований можно отнести работы сотрудников Института востоковедения РАН С.К. Рощина [1], С.Л. Кузьмина [2], Р.Т. Сабирова [3], а также Ф.Л. Синицына [4], монгольского историка Н. Хишигт [5] и монгольского публициста Б. Баабара [6]. Фонды российских архивов, в частности Российского государственного архива социально-политической

истории, содержат материалы, раскрывающие все новые стороны взаимосвязи политики монгольского и советского государств в отношении церкви с общими политическими и экономическими процессами в указанный период, что определяет актуальность дальнейших исследований.

В начале XX в. международное положение Монголии радикально менялось в зависимости от соотношения сил в Восточной Азии, ослабления или усиления империи Цин и России. До 1911 г. Монголия находилась в составе Цинской империи, но с началом Синьхайской революции в Китае на территории Монголии поднимается национально-освободительное движение. Объявление Внешней Монголией в декабре 1911 г. о выходе из состава Цинской империи и обращение к Российской империи за поддержкой и помощью

в формировании самостоятельного государства приводит к объективному усилению позиций России в Монголии. В 1911 г. было провозглашено независимое монгольское государство, фактически признанное автономией Китая в 1915 г. после подписания трехстороннего Кяхтинского соглашения между Россией, Китаем и Монголией.

В результате свержения маньчжурской династии Цин в 1911 г. в Монголии установилась абсолютная теократическая монархия. Приход к власти духовенства на смену светской, пусть даже и иноземной власти, является уникальным явлением в мировой истории. Факторов, способствовавших установлению буддийской теократической монархии в Монголии, было несколько:

- численность духовенства, которая составляла по разным оценкам от 30 до 44 % мужского населения страны;
- административно-политическая система, сформированная в Монголии Цинскими властями, поставила буддийское духовенство в привилегированное положение и возвысила его над светскими князьями;
- монастырская и административная вертикаль иерархии среди самого духовенства;
- мощная экономическая основа монастырского хозяйства [7, с. 79].

К началу XX века буддийская церковь обладала большим хозяйством. В ее распоряжении находились скот, зависимое население, монастыри, земли. Советская и современная российская историография по-разному оценивают экономическую и духовную роль монастырей в развитии Монголии.

Советский исследователь И.М. Майский в своей работе «Монголия накануне революции» свидетельствует о том, что средства, на которые церковь существовала, складывались из четырех поступлений: земля, скот и продукты скотоводства; пожертвования, плата за заказываемые службы, вознаграждения за выполняемые требы; финансовая поддержка многим монастырям со стороны государства и богатых феодалов хошунов; ростовщические операции [8, с. 257].

Однако, по мнению исследователя С.Л. Кузьмина, духовенство составляло отдельную социальную группу, которую некорректно делить по ленинскому принципу на эксплуататоров и эксплуатируемых. «Духовных феодалов» в Монголии не было: все феодалы были мирянами. Термин «шабинары» обозначает учеников, которые не были крепостными. Повиновение шабинаров ламам следовало

из буддийского канона, а не из феодальных отношений крепостничества [2, с. 435]. Кроме того, автор отрицает признанный в советской литературе факт, что 50 % мужского населения Монголии, являясь ламами, не были вовлечены в мирской труд, чем и тормозилось хозяйственное развитие: «...В 1919 г. не более трети лам постоянно жили в монастырях. Часть из них и те, кто жил вне монастырей, были вовлечены в мирской труд... Монголы (как и тибетцы) не воспринимали духовенство как обузу. Монахи – не бездельники, а созидатели общественного благополучия, нравственного здоровья и стабильности» [2, с. 436].

Важнейшей проблемой теократической монархии была непрочность политического положения Монголии. Начиная с 1911 г. она сменила последовательно статус независимого государства на автономию под сюзеренитетом Китайской республики и одновременно протекторат России. В октябре 1919 г. оккупационный режим китайского генерала Сюй Шучжэна ликвидировал автономию, вызвав недовольство всех слоев общества.

Достойным продолжением бурного для Монголии 1921 г. стало подписание в ноябре Соглашения об установлении дружественных отношений с РСФСР. С этого времени внутренний уклад Монголии начал подвергаться серьезным изменениям, в том числе это имело отношение и к буддийской церкви.

В непростых внешнеполитических условиях в Монголии начались внутренние преобразования, делались первые шаги по реформированию общества. Важнейшее значение имела проблема государственного устройства, взаимоотношений богдо-гэгэна и его окружения с новым правительством, Народной партией. Сангха, которой принадлежала существенная часть скота, материального имущества и людских ресурсов, также которая пользовалась непререкаемым авторитетом среди большинства населения, представляла серьезное препятствие на пути революционных преобразований [3, с. 98].

Полного мира среди правительства и ламства не было. Достаточно назвать антиправительственное выступление в конце 1921 г. группы лам во главе с Саж-ламой, приближенным богдо-гэгэна. Но отдельные эпизоды не меняли общей картины – Монголия избежала гражданской войны благодаря взвешенной, умеренной политике новых властей, благодаря присутствию (до 1925 г.) отрядов советских красногвардейцев, благодаря спокойной, неагрессивной тактике богдо-хана и его двора.

В трудах монгольских авторов отмечено, что с самого начала преобразований религия для коммунистов была главным идеологическим врагом. Монгольский публицист и государственный деятель Б. Баабар замечает, что после религиозного мятежа 1921 г. в российском городе Шуя в секретной рекомендации членам Политбюро Ленин писал: «Мне думается, что объявление нам решающей битвы нашими врагами в условиях, им вовсе невыгодных и безнадежных, стало для них роковой ошибкой. А для нас появляется не только благоприятная, но и единственная возможность из ста, чтобы насмерть разгромить врага на многие десятилетия и сохранить себе необходимую позицию» [6, с. 313]. Вышеназванный документ, по мнению Б. Баабара, отражает позицию Ленина в отношении религии. Ленин, в частности, говорил, что помимо истребления духовных лиц следует конфисковать дочиста их имущество, что обессилило бы их в плане экономики и послужило бы источником для обогащения фонда советского правительства [6, с. 314]. В последующие годы данная позиция СССР по отношению к религии повлияла на развитие большой антирелигиозной кампании в Монголии.

Решение об уничтожении буддийской церкви было принято не сразу после революции. Как свидетельствует записка секретаря Дальневосточного бюро ЦК РКП (б) Б.З. Шумяцкого В.И. Ленину от 2 ноября 1921 г. с характеристикой политического положения: «Мы ведем и советуем Ревпартии Монголии вести линию нацрревдвижения и ни в коем случае не советуем форсировать событий... Хутухту, как земного бога и владыку (Богдо-Хана), мы рекомендовали Наррревпартии не трогать, а превратить его в конституционного монарха без светской власти (без права veto, без права распоряжения армией, финансами и др.), чтобы без формального разрыва и с должным тактом утвердить над теократией приоритет новой власти, власти буржуазно-демократических сил» [1, с. 43]. Данные рекомендации были приняты правительством, Монголия была объявлена ограниченной монархией во главе с богдо-гэгэном вплоть до его смерти в 1924 г.

Разложение ламства и ослабление его влияния на население стало важнейшей задачей МНПР и Коминтерна при проведении «левого курса» с 1929 г. Об этом свидетельствует стенограмма совещания в Восточном секретариате ИККИ по монгольскому вопросу от 7 января 1929 г. М.И. Амагаев, один из руководителей

бурятского национального движения, на монгольском совещании при Восточном Секретариате свидетельствует: «До настоящего момента партия в отношении ламства какой бы то ни было политики, направленной к борьбе против большого влияния ламства в населении, не проводила» [9, с. 402]. Это может объясняться тем, что партия была заинтересована в политической нейтрализации, а также в том, чтобы некоторую часть ламства даже перетянуть на свою сторону на основе широкой платформы борьбы за национальное освобождение от китайского милитаризма. Основываясь на данном источнике, можно определить, что способствовало перелому в политике партии по отношению к ламству. М.И. Амагаев свидетельствует, что данный перелом пришелся на смерть главы буддийской церкви в Монголии богдо-гэгэна: «Партия вынуждена была изменить свою политику в отношении ламства и поставить вопрос о борьбе с ее верхами, обосновавшимися вокруг дворца богдо-гэгэна и выступавшими с контрреволюционными позициями» [9, с. 402–403].

МНРП стала проводить политику разложения экономики буддийской церкви, нарушая не только Конституцию МРН, но и закон об отделении церкви от государства, принятый в 1926 г. Чтобы развалить монастырскую экономику, применялся принцип налогообложения. Налогом облагался не только скот, отобранный по «договору», но также их основное имущество – предметы религиозного культа. Кроме того, существовали иные формы налога – так называемые военные, бюджетные и т. д. Однако право выбора оплатить или попасть в тюрьму предоставлялось самим духовным лицам. Одна из целей этой налоговой политики была направлена на разорение богатых лам и на принудительный переход от рядовых монахов в светское сословие [6, с. 315].

В фондах РГАСПИ сохранилось несколько директив Коминтерна от 1930–1931 гг. в отношении церкви в Монголии, в частности, в документе от 25 июля 1930 г. указывалось: «Проводить политику дальнейшего расслоения ламства и противопоставление лам-бедняков контрреволюционной, связанной с феодалами и иностранными силами, верхушке. Поощрять свободный выход ламской бедноты в светское состояние». В этом же документе содержится рекомендация «обеспечить правильную политику по отношению к основным массам крестьянства и особенно к середняцким массам... в устранение всех перегибов» [10, л. 2].

Несмотря на предостережения, навязанный Коминтерном курс на форсирование социалистических реформ оказался трагическим левацким экспериментом.

Следствием «левого курса» стали массовые восстания в Монголии. В Циркулярном письме ЦК МНРП «О работе среди ламства» от первой половины мая 1930 г. меры правительства были названы «перегибами», которые «не только не решают задачу, но, наоборот, чрезвычайно затрудняют ее решение» [11]. В качестве примера можно привести события, произошедшие в Чандамани-Ульском аймаке. Местными аймачными властями были отданы распоряжения о принудительном выселении из монастырей всех лам, недостигших 18-летнего возраста, и о запрещении ламам заниматься земледелием и торговлей. В результате ламством была предпринята неудачная попытка восстания в Улангоме и организовано восстание в хошуне Тэгус-Буянту, для ликвидации которого оказалось необходимым применить вооруженную силу [11, с. 31].

Другим примером могут послужить события 25 марта 1930 г., когда более 40 лам из монастыря Тогсбуянт, объединившись, захватили администрацию хошуна, арестовали начальство и служащих. Чрезвычайная комиссия по ликвидации мятежа имела полномочия на расстрел на месте. 247 человек были арестованы и привлечены к военно-полевому суду, 19 лам, 9 феодалов и 20 аратов были расстреляны на месте. Среди арестованных 138 человек были аратами, 109 ламами [6, с. 318–319]. Вслед за этим началось восстание в Улангоме, вследствие которого были расстреляны 19 руководителей: 14 лам, 2 феодала и 3 арата. К заключению от одного года до десяти лет приговорили 12 человек: 9 лам и 3 мирянина. Амнистировали и приговорили условно 86 человек: 81 ламу и 5 аратов [12, с. 56].

Как отмечает С.Л. Кузьмин, монгольский последователь Сталина Чойбалсан принял наиболее эффективный способ ликвидации теократии: существование духовенства сделало невозможным экономически, при одновременной массовой пропаганде и репрессиях (прежде всего, против высших лам), действиях по переселению монастырей от границы (фактически означавших их закрытие) [2, с. 441].

Эти и другие восстания лам повлекли за собой большие потери среди ламского населения. Восстания в западной Монголии в 1930 г. были подавлены с большой жестокостью: потери повстанцев убитыми превосходили таковые правительственных отрядов почти в 36 раз – почти исключительно за счет расстрелов. Кроме того, 45 человек получили сроки заключения от одного года до десяти лет [12, с. 57–58].

В итоге под влиянием советского руководства и Коминтерна в партии усилилось радикальное крыло, представители которого были настроены на решительную и бескомпромиссную борьбу с религией. В результате к 1938 г. было насильственно закрыто 760 крупных монастырей из 771. Остальные были закрыты годом позже. Было уничтожено около сотни высших лам, около двух тысяч лам убито во время закрытия монастырей в 1937 г. Из шести тысяч лам, арестованных в 1938 г., выжило незначительное число. При этом данные цифры не включают число убитых во время широкомасштабных операций против монастырей в 1937–1938 гг., а также тех, кто погиб еще раньше – в 1928–1932 гг. [3, с. 98].

Весь период восстаний в Монголии Политбюро ЦК ВКП (б) на своих заседаниях принимало решение о подавлении выступлений. Так, в протоколе от 29 мая 1932 г. принято решение: «Подавить восстания в кратчайшие сроки, беспощадно уничтожая руководителей и организаторов восстания из феодалов и высшего духовенства, а также виднейших и активнейших участников восстания – перебежчиков из народно-революционной партии и ревсомола» [13, л. 170.]

Таким образом, к концу 1930-х годов теократическая монархия в Монголии полностью прекратила свое существование. Фактом является то, что на данную ситуацию в Монголии повлияла политика СССР и Коминтерна. Хотелось бы отметить, что ламство, обладавшее большей частью хозяйственной базы Монголии, монополией в образовании, медицине, ветеринарии, понесло несоизмеримо жестокое наказание. Такой социальный слой, как ламство, был практически искоренен на территории Монголии, частью примкнувший к аратскому населению, а частью уничтоженный монгольскими властями.

Библиографический список

1. Рошин, С. К. Политическая история Монголии (1921–1940) : монография / С. К. Рошин. – Москва : ИВ РАН, 1999. – 327 с.
2. Кузьмин, С. Л. Теократическая государственность и буддистская церковь Монголии в начале XX века : монография / С. Л. Кузьмин. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2016. – 496 с.
3. Сабиров, Р. Т. Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI вв. / Р. Т. Сабиров // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 3. – С. 95–100.
4. Сеницын, Ф. Л. Красная буря. Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. : монография / Ф. Л. Сеницын. – Санкт-Петербург : Изд-во А. Терентьева и фонд «Сохраним Тибет», 2013. – 528 с.
5. Хишигт, Н. Монгольские буддистские монастыри: история и современность / Н. Хишигт // Память мира: историко-документальное наследие буддизма : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 ноября 2010 г.). – Москва : РГГУ, 2011. – С. 26–32.
6. Баабар, Б. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита : монография / Б. Баабар. – Казань : Татарское книжное издательство, 2010. – 543 с.
7. Крайнова, Л. Н. Экономические основы буддистской церкви и монастырей Монголии в конце XIX – начале XX века / Л. Н. Крайнова // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука : сборник научных трудов. – Иркутск ; Улан-Батор : Изд-во БГУЭП, 2014. – Кн. 3, ч. 1. – С. 79–86.
8. Майский, И. М. Монголия накануне революции : монография / И. М. Майский. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1959. – 312 с.
9. Стенограмма совещания в Восточном секретариате ИККИ по монгольскому вопросу // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / науч. ред. Б. Б. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БЦН СО РАН, 2012. – Ч. I (1919–1929). – С. 402–438.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 9. – Л. 2.
11. Циркулярное письмо ЦК МНРП о работе среди ламства (утверждено ЦК в первой половине мая 1930 г.) // Монголия в документах Коминтерна (1919–1934) / науч. ред. Б. В. Базаров. – Улан-Удэ : Изд-во БЦН СО РАН, 2012. – Ч. II (1930–1934). – С. 28–39.
12. Кузьмин, С. Л. Западно-монгольское восстание 1930 г. в защиту религии / С. Л. Кузьмин // Религиоведение. – 2015. – № 1. – С. 53–59.
13. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 162. – Д. 12.